

НА ДВОРЕ стоял вьюжный февраль. Мело и завывало, на магистральных дорогах Москвы было неуютно, даже сумрачно. Когда мы подошли к дому № 6, размахнувшись на целый квартал по улице Горького, было немногим более девяти часов утра.

— Не рано ли? — спросила Ида Вершинина, сотрудница отдела искусства журнала «Огонек», которую я пригласил на эту встречу. — В такие ранние часы актеры, надо думать, еще отдыхают.

— Борис Николаевич сам назначил время: половина десятого. В полдень ему нужно быть в театре.

Давно, еще в довоенные годы, по странному стечению обстоятельств я встречался с Борисом Николаевичем в разных домах, а после войны еще и на разных приемах. У нас были общие знакомые. При встречах мы не только приветливо раскланивались, но иногда и уединялись для недолгой беседы «на отвлеченные философские темы», как однажды заметил Борис Николаевич.

В квартиру Бориса Николаевича я шел впервые, и с нескрываемой перед спутницей робостью поднимался по лестнице навстречу рокочному «Здравствуйте, дорогие!». Манеру обращения Бориса Николаевича я хорошо знал, а голос его звучал во мне еще со времен неунывающего треневого Шванди и обрел силу шального гоголевского Ноздрева.

Но шли мы не к любимому зрителями театра, кино и телевидения актеру, а до той поры почти неизвестному художнику с тайной целью познакомиться читателей популярного журнала «Огонек» и с этой стороны разносторонней творческой биографии Бориса Николаевича.

В одном домашнем застолье, оказавшись рядом с Борисом Николаевичем, я заметил, что на странице припрятанного им под скатертью блокнота возникает презабавный карандашный силуэт сидящего визави писателя. В тот же вечер я спросил:

— Это ваше хобби?

— Если увлечение с детских лет можно назвать хобби, то тогда...

Вскоре на выставке накануне съезда художников я увидел акварельные и карандашные рисунки нескольких актеров МХАТа, исполненные с добродушной улыбкой к персонажу. В нижнем углу под каждым рисунком — автограф: «Б. Ливанов». Все,

Рисует Борис Ливанов

что я увидел тогда, было не только очаровательно, но и высокопрофессионально по исполнению. Вот тогда-то я и позвонил Борису Николаевичу:

— Прошу принять делегацию «Огонька» на предмет рассмотрения вашей художественной деятельности и представления ее широкому кругу читателей журнала...

— Приму в любой день. Приходите хоть завтра в полдесятого утра. Но не преждевременно ли для «Огонька»? Знаете, мастером, да еще каким, нужно быть...

— Значит, завтра в полдесятого.

— Прошу.

...На столе, что стоит посредине рабочего кабинета артиста и режиссера, — несколько специальных папок. В каждой — десятки акварельных и карандашных рисунков. Мы раскрываем папки, вся площадь стола как бы заговорил, демонстрируя нам десятки портретов-характеров. Одни написаны в сдержанно документальной, что ли, манере, другие — с искрящейся дружеской улыбкой, в которой явственно проглядывает отношение художника к персонажу, третьи — с мягкой иронией, в четвертых видится диалог автора с героем своего творения. Несмотря на февральскую вьюгу на дворе, в кабинете стало светло и солнечно.

Независимо от авторской трактовки на каждом картоне мы узнавали прославленных актеров Художественного театра. Более двухсот рисунков! Некоторые персонажи на двух, трех и даже на пяти листах, написанные в разное время и в разных условиях. Вначале мы молча рассматривали дружеские шаржи Бориса Николаевича, скромно выражая свое удивление.

— И давно вы пишете?

— Пишете... Не громко ли сказано? — вопросом на вопрос ответил Борис Николаевич. — Это, если хотите, моя вторая страсть. Одни ведут дневники, другие в моем возрасте пишут мемуары, третьи, как, например, Ираклий Андроников, выступают с устными рассказами о друзьях. А я все — дневники, рассказы и мемуары — пишу вот так: рисую. Карандаш с детских лет мой друг и спутник. Вот уже тридцать пять лет моя жизнь проходит в стенах Художественного театра. Тут мои товарищи, друзья, тут мои учителя. Каждого из них я наблюдал и наблюдаю многие годы. О каждом знаю все, как и они все знают обо мне. Возможно, кто-то из них словом рисует мой характер в своих памятных книжках, а я выражаю свои дружеские чувства к любому из них, как видите, в рисунке. Я не устраивал рабочих сеансов и не приглашал своих друзей в качестве натурщиков. Рисовал как бы при помощи скрытой камеры, причем не сразу, а в течение многих лет: на репетициях и совещаниях, даже за

кулисами в дни спектаклей. Постепенно создавался образ, в котором наиболее четко выраженные детали рисуют талант и характер моего героя.

Мы листали карты и действительно читали мемуары в рисунках, мы видели восторг и любовь художника к своим друзьям и учителям. Даже в тех рисунках, в которых «усугублены» какие-то внешние черты натуры, это усугубление — дружеская улыбка и сердечное расположение автора.

— Друзья не в обиде? — спросила Ида Вершинина.

— Не думаю, — ответил Борис Николаевич. — Я не таюсь от них. Все натуры знакомы с моей трактовкой их образа. Константин Сергеевич Станиславский, например, как-то разглядывая мои рисунки, хохотал так, как он умел хохотать: от души! А свое изображение в моем толковании удостоверял автографом, поставив дату: 9.X.1935 г. Удостоверил автографом мой дружеский рисунок и Василий Иванович Качалов. А Ольга Леонардовна Книппер-Чехова дважды подписала мой рисунок с ее изображением.

Как-то по совету Леонида Мироновича Леонидова на одном заседании я стал делать наброски с сидевшего тут же Владимира Ивановича Невморова-Данченко. Конечно же, он заметил и в перерыве подошел: «Вы меня рисовали все заседание, покажите». Он долго и сосредоточенно рассматривал рисунки и вернул их, ничего не сказав. Вам нетрудно представить мое волнение. Но после заседания, как я узнал от Леонидова, Владимир Иванович сказал ему: «А Ливанов ко мне серьезно относится, с уважением».

Мы рассматривали дружеские шаржи, слушали неторопливые комментарии к ним хозяина дома и автора удивительных папок с картами мемуаров в рисунках. В этих комментариях то какой-то интересный случай из жизни или творческой биографии артиста, то точно подмеченная особенность таланта. Перед нами прошла такая прекрасная галерея светлых имен: А. О. Степанова, Ф. В. Шевченко, И. М. Москвин, М. М. Тарханов, Н. П. Хмелев, А. Н. Грибов, В. О. Топорков, М. М. Яшин и многие другие.

— Эти рисунки, — мой «МХАТ без грима». К ним я причисляю и вот этот рисунок Алексея Максимовича Горького — без него нет и нашего театра. — Продолжая комментарии, Борис Николаевич достал картон с изображением А. М. Горького. — В 1931 году Горький смотрел у нас «Страх» Афиногенова. После спектакля, в котором я играл роль Хусана Кимбаева, мне сказали, что Алексей Максимович передал приглашение приехать к нему на дачу. Я не буду вам говорить о тех чувствах волнения и радости, которыми я жил те дни. Вместе с

Алексеем Николаевичем Толстым, который за мной зашел, мы поехали к Горькому. Провели у него целый день. И какой день! Была зима. Алексей Максимович, покуривая, с папиросой в одной руке, ходил по комнате в пижамах и рассказывал интересные истории. Липо его было серьезным, сосредоточенным. Конечно, карандаш и бумага были со мной. И я счастлив, что вот и этот картон теперь — страница моих мемуаров.

Часовая стрелка стремительно двигалась в направлении той минуты, когда Борис Николаевич должен был уходить на репетицию. Мы отобрали несколько акварельных и карандашных рисунков, которые решили репродуцировать в «Огоньке», и попросили Бориса Николаевича все, о чем он нам говорил, написать для журнала. Он застенялся:

— Удобно ли все это публиковать? Скажут: вот Ливанов славы ищет. А зачем мне слава? Ее у меня предостаточно. Теперь я занят второй серией — «МХАТ в гриме»: те же актеры в ролях. Может быть, тогда...

Но мы не отступили. И Борис Николаевич сдался. 6 апреля 1958 года в «Огоньке» была опубликована цветная вкладка дружеских шаржей народного артиста СССР В. Н. Ливанова и его большая статья «Вместо мемуаров» с четырнадцатью рисунками.

Леонид КУДРЕВАТЫХ.

Б. Ливанов. Шаржи на Вл. Попова и В. Рындина.